

лица обретает инфернальные тона: это некое метафизическое тело, обитель осиротевших душ:

«Заходили сюда, в большую и взлобисто приподнятую ограду, откуда виден был весь скат деревни к воде и всё широкое заводье, по теплу старухи, усаживались на низкую и неохватную, вросшую в землю, чурку и сразу оказывались в другом мире. Ни гука, ни стука сюда, за невидимую стену, не пробивалось, запустение приятно грело душу, навевало покой и окунало в сладкую и далеко уведящую задумчивость, в которой неслышно и согласно беседуют одни только души» (572).

Налицо неразрывное сопряжение в «поздней» распутинской прозе реалистичности и символики, «истории и поэзии», модернистского внимания к иррациональному образу мира и, одновременно, к вековым основам народной мудрости.

Как показывает творчество В. Г. Распутина и близких ему по мироощущению писателей, пространственно-временная природа «деревенской прозы» обнаруживает многомерность и разноликость этого литературного направления в соотношении с такими категориями национального сознания, как русскость, русская идея, русская душа и пр. Концепты времени и пространства проявляют свои ментальные свойства, тяготея – в соизмерении с моделью национального мира («макромир в микромире») – к основной антиномии русского самосознания: традиционализм и воля.

«Через убедительно выписанные, полнокровные картины сельской жизни, – считает современная западная русистика, – представители “деревенской прозы” сумели показать существование глубоко укоренённой, традиционной национальной жизни, сохранившейся в микрокосме русской деревни: образ *деревни как заповедника русскости...*»¹

Л. Н. Скаковская

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКОГО СЕЛА В ПОВЕСТИ В. ЯВОРИВСКОГО «ДОЛГИЕ ПОМИНКИ»

In this article, the author addresses the social, spiritual and moral problems of the Ukrainian village life of the late XX – early XXI centuries, analyzes the major themes and subjects, highlights the national characteristics and traditions. Story Yavoriv seen not only in the context of modern Ukrainian literature, but also draw parallels with the Russian prose of the late twentieth century.

Key words: Ukrainian literature, issues, mentality, «village» prose.

¹ Parthe K. Russia's Dangerous Texts. Politics Between the Lines. New Haven and L., 2004. P. 98.

Современная украинская литература как часть литературы мировой – явление разностороннее, оригинальное. Она богата талантами, жанрово разнообразна, предлагает широкий спектр направлений, стилей, сохраняет собственную яркую индивидуальность, национальное лицо.

Современный литературный процесс на Украине формируется тремя поколениями писателей, которые, так или иначе, влияют друг на друга. Сегодня продолжают творить поэты и прозаики старшей формации, которые начинали свой творческий путь в 50–60 гг. прошлого века (Анатолий Димаров, Роман Иванычук, Павло Загребельный и др.). В начале XXI в. начало формироваться поколение молодых, двадцатилетних писателей, произведения которых ещё должны пройти испытание временем.

Но всё же лицо современной украинской литературы – это творчество писателей, которые в 1980–1990-х гг. вошли в украинский литературный процесс и прочно утвердились в нём. В этом ряду широко известно имя Владимира Яворивского, современного украинского прозаика, публициста, видного общественного деятеля, автора романов «Оглянись из осени», «Автопортрет по воображению», «Мария с полынью в конце столетия», повести «Вечные Кортелисы», удостоенной Национальной премии имени Тараса Шевченко.

В 2002 г. в журнале «Москва» была опубликована его новая повесть «Долгие поминки» в переводе на русский язык Владимира Иконникова. Искренняя горечь и беспокойство писателя о духовной и нравственной деградации украинской деревни в постперестроечное время звучит со страниц этого произведения.

События происходят в деревне Текливка, расположенной неподалёку от Винницы. Протяжённость действия этого небольшого произведения – три дня, центральное событие – «несвоевременная» смерть Гандзи по прозвищу Основоположница, организатора и главаря колхоза сталинских времён, которая после войны днём была председателем, а ночью подменяла единственного местного тракториста, не зная отдыха и не испытав личного счастья. По воспоминаниям односельчан, «Ганна Юхимовна, царство ей небесное, женщина легендарная. Запрягалась рядом с коровой в плуг. В ночную подменяла единственного тогда тракториста – пацана Лёньку Шайтана. Говорят, что даже колхозный бугай только её одну и боялся и слушался...»¹, но именно она в сорок седьмом закрыла церковь в Текливке и превратила её в клуб, потому что «климат такой был».

И вот она умирает так несвоеременно – в канун Первомая. Местный «актив» желает ускорить похороны, чтобы, традиционно собрав-

---

¹ Здесь и далее цитируется по: Яворивский В. Долгие поминки // Москва. 2002. № 8 // <http://www.moskvam.ru/2002/08>

шись с любовницами на маёвку в Мятной Яме, продемонстрировать былое единство. Но Сталина, дочь умершей, заупрямилась, требуя хоронить, как принято, на третий день – именно 1 мая. Возникает конфликт между ней и «активом».

Для лидера «актива» Васюры победа в этом конфликте имеет принципиальное значение, он не желает смириться с тем, что времена изменились и Сталина, «простая учителька», может иметь собственное мнение и отстаивать его: «Если Сталина будет хоронить Основоположницу первого мая – это будут похороны основ. <...> Речь идёт о власти в Текливке, а не о похоронах Гандзи...»

Старая «гвардия» – бывшая колхозная номенклатура во главе с бывшим секретарём райкома КПСС, а ныне бизнесменкой «мамой Зиной», претендует на «прихватизацию» местных чернозёмов. Для этого необходимо, чтобы председателем нового сельского товарищества избрали зятя «мамы Зиной», бывшего школьного учителя физкультуры и комсомольского активиста Геника Безкоровайного, и тогда старый актив останется у власти.

Впрочем, до полного падения коллективного хозяйства осталось совсем немного, оно, как явствует из текста романа, существует скорее номинально, по привычке. Коллективного имущества практически не осталось, оно в вихре перестройки частично распродано чиновниками, частично разграблено самими бывшими колхозниками. В хозяйстве царит полная разруха. «Будто только вчера война закончилась», – говорит один из героев повести. Бессменный кладовщик Давид Шульга с ностальгической грустью сравнивает доперестроечные и постперестроечные времена: «Каждый день свинью или телёнка резали, бочки с подсолнечным маслом не высыхали, резиновыми сапогами для доярок стеллажи были забиты. Гвозди, электролампочки, стекло, вёдра, бидоны – бери, сколько хочешь, только грамотно запиши... Было... А теперь и крысы убежали из кладовой. Кашлянешь в помещении – эхо долго бьётся в пустоте о стены кладовой. Даже пустые бочки из-под подсолнечного масла и олифы, ящики, совки и веники растащили. Окно выбили, чтоб залезть в кладовую. Напрасно трудились – здесь уже нечего взять. Наверное, надо написать большими буквами объявление и повесить на двери: “Земляки! Не тратьте сил. Здесь – ничего нет...”»

Однако привычка воровать колхозное укоренилась в сознании крестьян ещё в советские времена. Тот же Шульга с удовольствием и удовлетворением подвергает очередной «ревизии» многочисленные кладовки и чуланы, которые он построил и наполнил на собственном подворье за десятилетия работы в колхозе в должности кладовщика:

«Аж шесть брежневских.

Андроповских нет.

Три горбачёвских.

Два, но длинных, с высоким чердаком, – черныбыльские.

Один – “незалежный”, но полупустой: несколько пар резиновых сапог, брезентовые рукавицы, выключатели и розетки, колбочки зелёной краски, ящик электродов и связка веников – всё помню, потому что нечего помнить...»

За годы Советской власти трансформировалось общественное сознание деревни, извратились моральные и этические представления. Писатель с горькой иронией констатирует это, приводя в повести фрагменты коллективного «потока сознания»:

«А хуже всего – украсть нечего. Куда оно всё делось? Только разрешили людям бывать за границей – за неделю всё и вывезли. Из кладовой, из гаража, из столярной мастерской. Даже навоз из коровников вывезли. Раньше воровали для себя, тогда у тебя кто-нибудь украдёт, а у него ещё кто-то – вот так оно поровну и распределялось. И всем хватало, потому что – социализм. А теперь крадут – и за границу. В Польшу, в Германию, в Америку. Всё: колёса от воза, алюминиевые трубы от орошения, бетонные столбики и сетку, которыми были фермы огорожены, плуги и бороны, лесопильню и кузницу, щебёнку и гашёную известь из ямы – всё куда-то новая власть повывозила и продала... <...> А при Брежневе можно было жить, думает Текливка. Можно было украсть что-нибудь в колхозе, достать по знакомству или – на премию – шифер и кирпич. Аккуратненько можно было гнать самогон и пьяным ходить на работу. Вовремя выдавали пенсию по двенадцать рублей, дважды в неделю привозили хлеб из района. Уже можно было жить. Приноровились, привыкли. У всех была работа. Пускай уж так и было бы, чтоб только Америка войну не начала.

А тут на тебе! Всё полетело вверх тормашками. Всё, с чем сжились, что уже можно было как-нибудь терпеть – псу под хвост...»

Как подчёркивает С. Бондаренко, «из повести рвутся реалии жизни постперестроечного украинского села»¹. Отметим, что они очень похожи на реалии сельской постперестроечной России. Перед читателем встаёт целый ряд ярких живых образов селян, и каждый из них по своему несчастен.

Вот судьба Раи-западёнки, которая, как выясняется из её воспоминаний, вовсе не Рая, а Богдана. Её занёс в Теклилку ураган сталинских репрессий, когда в сибирскую ссылку в скотских вагонах целыми семьями отправляли с Западной Украины всех, кого хоть в малейшей степени могли заподозрить в связях с бандеровцами. Рае удалось сбежать по пути, и её приютила Текливка. Вроде бы и судьба её кое-как сложилась, но всю жизнь женщину преследуют воспоминания, смутное осознание того, что она проживает чужую жизнь, носит маску, играет роль.

---

¹ Бондаренко С. За ними «Москва» // Киевские ведомости. 2002. № 282 // <http://old.kv.com.ua>

Рая-Дана всю жизнь мечтает съездить на родину, но её останавливает страх, что репрессии могут вернуться, хотя и времена, и взгляды на историю изменились:

«А ми тую червону калину» по радио поют, уже флаг над текливским сельсоветом – сине-жёлтый... Можно... Хорошо, хорошо. Отбуду похороны Основоположницы. Отбуду первое мая в Яме ради Давида... Нет, ещё не поеду. Ещё могут коммунисты вернуться. Ещё подожду...»

Прошло более полувека, но старшее поколение Текливки всю жизнь будет помнить голодомор 1930-х годов, послевоенные репрессии, иррациональные налоговые законы, политику насильственной русификации, потому что забыть этот ужас невозможно:

«Треть их вымерла от голода в тридцать третьем. Дед Карло Храмовой заманил к себе в хату голодную соседскую девочку, заманил, будто у него есть краюха хлеба и одна конфета-подушечка. Она, бедняга, поверила. Пошла. А Карпо сзади накинул ей на голову мешок и косою перерезал горло. И – сварил. Но не успел съесть. Возле казана его застал отец девочки и от отчаяния... той же косою деда. Посадили отца, не вернулся.

В тридцать седьмом забрали почти всех учителей в школе, потому что директор знал наизусть много стихов Шевченко, портрет которого висел в его кабинете. Забрали и попа Василя, потому что читал «Отче наш» по-украински. Забрали сельского художника Вивчаренко, у которого была одна прихоть – всех текливчан рисовать в вышитых сорочках или вышитых блузках. Забрали и отца Васюры, потому что его брат в гражданскую будто бы был с петлюровцами...»

Украинской литературе и украинскому народу всегда был присущ сочный юмор. Социологи и культурологи констатируют, что как российской, так и украинской деревенской ментальности всегда была свойственна особая субкультура сплетен, которую с блеском изображали в своих произведениях и Н. В. Гоголь, и М. А. Шолохов, и И. Я. Франко, и М. М. Коцюбинский, и О. Гончар, и И. Ф. Стаднюк...

С грустным юмором В. Яворивский в «Долгих поминках» представляет общественное сознание разочарования в итогах перестройки и неуверенности в завтрашнем дне обитателей Текливки, рождающиеся на этом фоне совершенно невероятные слухи:

«Тайно отдали свои голоса за незалежну Украину, думали: она всё даст, так как всё имеет, надо только проголосовать за неё. А оказалось, что она сама – нищая, у неё и украсть-то нечего.

И Текливка загрустила. Никто руганью не загоняет на работу, но и – ничего не даёт. Так на хрена она нам нужна, такая Украина?! Может, Россия что-нибудь даст? Спрашивала Васюру, он должен знать. Говорит, что даст, потому что имеет столько, что девать некуда. Бензин в реки сливают. Алмазами в Якутии дома украшают. Каменным углём дороги на вечной мерзлоте мостят (весной дороги тонут в болоте, а зи-

мой их снова настилают углём). Чукчи соболиные шкурки, как мы портянки, на ноги наматывают.

А в Украине даже тюрем своих не хватает. Говорил Васюра, что новая, бандеровская власть подпольно арендует в Сибири пять пустых лагерей. И ещё три заказали на Колыме. А Кравчук посреди Нью-Йорка дачу имеет, негры прислуживают, фонтан бьёт выше хаты и канарейки поют «Ще не вмерла...»

Голосуем за одних, а избирают совершенно других. Голосуем против Василька, а он снова председатель сельсовета. Голосовали за коммуниста, потому что он против куркулей, а избрали снова Кучму. Всё как-то в Текливке не в лад, как заговорено, словно цыгане прошли и туману напустили...»

Ничего хорошего не ожидают жители Текливки и от перемен, которые им обещают в ближайшем будущем. С поистине раблезианским юмором обсуждают они эти перспективы после собраний:

«– После праздников паи на землю будут раздавать...»

– Вот в слове “пай” поменяются две буквы – и начнут раздавать. Возьмёшь, сколько хочешь, Любка. Тебе дадут, – молвил прокуренный мужской голос».

Однако жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Из неё не уходят такие вечные категории, как, например, любовь и измена. С юмором описывает В. Яворивский буквально шекспировские страсти, разгорающиеся в Текливке на почве супружеской измены и ревности:

«Маринка его по молодости воевала с ним крепко. Выследив мужа, в полночь пустила в Яму пустую бочку из-под солярки (говорят, шрам у него на спине остался, а Татьянку не задело). Ольге – завовчарней – сожгла груди серной кислотой, целилась в лицо, но банка в руках соскользнула. Клаву – бригадира садово-огородной бригады – Маринка выжила из Текливки, выдав замуж за плюгавенького пьянчужку заготовителя, который закупал в Текливке сушёные сливы, лук и чеснок. Учительнице ботаники, Нине Григорьевне, Маринка написала на воротах красной люминесцентной краской такое, что ученики опоздали на первый урок – читали написанное. Нина Григорьевна посреди учебного года перевелась аж в Закарпатскую область, в высокогорное село, где в начальной школе совсем не было учителя...»

Текливский «актив» намеренно тормозит развитие фермерства. Семь раз собиралось правление колхоза, рассматривая заявление вернувшегося в родное село из города Юрка Красношапки о предоставлении ему в аренду пятидесяти гектаров земли, и каждый раз решительно отказывало.

«– У вас поля заросли бурьянами. Нечем пахать и нечего сеять, – тяжело выдавливал слова молчаливый Юрко.

– Из-за таких, как ты, и нету! – отвечал Васюра и закрывал правление...»

Выделили землю только после вмешательства депутата, члена движения «Рух». Однако землю дали самую худшую. На крутых холмах да в мокрой долине, которую часто заливало водой во время паводка, хотя сотни гектаров плодородной земли в округе вот уже несколько лет зарастали бурьяном. Однако, несмотря на все трудности, семье фермера в первый же год удалось вырастить невиданный урожай капусты, которую своими силами было не успеть срезать до морозов. И что же текливчане? – «...просил текливских безработных: возьмите капустой, или заплачу деньгами, выйдите на работу на пару дней – никто не пришёл...»

Заметим, что такое же негативное отношение к новым веяниям и начинаниям, такое же пьянство, воровство, лень и полное равнодушие к завтрашнему дню отмечается российскими писателями-деревенщиками и в сёлах России. Например, в романе Юрия Козлова «Одиночество вещей» с такой же горечью и недоумением описана ситуация в псковской деревне Зайцы. Если в Текливках общество, наблюдая за стараниями работающей семьи Красношапко, лишь дало ему прозвище «Юрка-куркуль» да держало недоброжелательный нейтралитет («Лучше бы уже полынь да чертополох росли...»), то в псковских Зайцах новоявленному фермеру Петру, до изнеможения и полного физического истощения выкладывающемуся на своём хозяйстве, местное население объявило настоящую войну с вытаптыванием посевов, порчей и кражами техники и имущества и даже угрозами убийства. Чем можно объяснить такое отношение сельского общества – задаются вопросом писатели. Неужели только извечной людской завистью, неискоренимым пороком человечества?

Горькие размышления о судьбах деревни мы читаем и в произведениях русских писателей-деревенщиков В. И. Белова, В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, Б. А. Можаева, Ф. А. Абрамова, А. И. Солженицына и других. Несовершенство, неустроенность повседневной жизни героев, несправедливость, чинимую над ними, их полную беззащитность привели к физическому и духовному вымиранию как русской, так и украинской деревни.

«Деревенская» проза как российская, так и украинская, начавшаяся с поэтизации детства и природы, заканчивается сознанием великой утраты. Не случаен мотив «прощания», «последнего поклона», отражённый и в названиях произведений («Прощание с Матёрой», «Последний срок» В. Г. Распутина, «Последний поклон» В. П. Астафьева, «Последняя страда», «Последний старик деревни» Ф. А. Абрамова, «Долгие поминки» В. Яворивского).

Надежда, что не всё ещё потеряно для Текливки и сотен других украинских деревень, всё-таки звучит в повести. Здоровый духовный потенциал, к счастью, всё ещё присутствует у деревенских жителей, и один из стержней этой духовности – генетическая любовь к родной земле. В повести есть короткие, но пронзительные по своему лиризму

фрагменты, которые подтверждают это. Вот дельтапланерист Олег опрыскивает ядохимикатами рапсовое поле своего брата – бедолаги-фермера Юрка. Казалось бы, вполне прозаическое занятие, вряд ли способное навести на лирические размышления. Однако чувства, бушевавшие Олега, далеки от прозы жизни, в которой большинство людей живут только материальным, подличают, лгут себе и другим, из сознания многих из них постепенно исчезают такие понятия, как совесть и порядочность:

«Олег доопрыскивал поле, полностью освободил опрыскиватель, но не сел, хотя брат и махал ему руками. Пролетел над Текливкой, пахнувшей молоком, навозом, свежевспаханной землёй, сиренью и самогонным духом. В одном дворе было многолюдное застолье, и он долго махал ему крыльями, чуть было не потеряв восходящий поток ветра.

С высоты полёта дельтаплана Олег любил эту землю, так любил, даже заходила его молодая душа. С высоты она была прекрасной и родной.

Но он ещё хотел её любить так же, а может, и больше тогда, когда опускается на неё, когда живёт на ней...»

Жёсткая, но убедительная картина современного украинского села изображена в повести. Выживет ли затюкиваемый «активом» фермер, вернётся ли в Текливу Тарас, обучающийся в Киево-Могилянской академии на сельскохозяйственного инженера, удастся ли текливцам противостать продаже своей земли? На эти вопросы писатель не даёт ответа. Хочется надеяться, что утвердительные ответы на них даст сама жизнь.

Устами своих героев писатель озвучивает различные точки зрения об ориентирах социального и культурного развития народов, о негативных последствиях распада бывшего Союза, о прошлых успехах и провалах в истории культур, о формировании идей и об их влиянии на национальное самосознание личности и общества. Писатель с горечью констатирует, что идёт нежелательный процесс духовного загрязнения, наступает нравственная деградация крестьянства на селе. В повести «Долгие поминки» демонстрируется банкротство идеологии на селе в постперестроечные годы. Цена этого банкротства, как мы видим, – деградация внутренних основ социального бытия, на которых веками держалась патриархальная честность, порядочность, внутренне благородство – исконные душевные качества человека труда. Люди столкнулись с кризисом идеи коммунизма, но они видят непрочность и других идей, предлагаемых им. Это, считает писатель, историческая болезнь века, которая вызывает духовный вакуум и всеобщую отчуждённость, отрыв от природы и социальный раскол. Владимира Яворивского, как и многих других современных художников слова волнует нынешнее состояние общества, его умонастроение и его сознание, у него вызывает тревогу стихийный характер его теперешнего развития. В настоящий момент старые политические и социально-экономические устои погиб-

ли, а новые ещё находятся в стадии формирования. Люди в таких условиях не защищены, и проблема их выживания и развития, особенно в духовно-нравственном плане, становится более острой, чем была до начала перестройки и развала СССР. Как показывает жизнь, до идеального устройства ещё далеко, и народ иногда сожалеет о старых «добрых» временах, когда была стабильность и были живы идеалы.

И. Е. Иванова

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА

The author of the article attempts to analyze Dina Rubina's collection of short stories «Ich bin nervoso» in the context of writer's speculations on the problem of national identity. In particular it is remarked that Dina Rubina is one of those Jew Russian-language writers who don't deny their genetic connections with Russian culture and literature, but insist on acquiring their own culture which results in evident and latent contradictions of the writer's self-consciousness who seeks to make a somewhat literary canon, which presupposes the pertaining to the integral Jewish culture, but adopts Russian literature experience.

Key words: national and cultural identity, national and creative self-identity, Jewish literature.

Осмысление национальной специфики, самоидентификация автора – одна из вечных творческих проблем. Поиски типологической принадлежности к определённому виду культуры особенно характерны для литератур, отмеченных «двойным» самосознанием автора.

На примере творчества Дины Рубиной – известной российской и израильской писательницы – мы поставили своей задачей проследить процессы «вживания» в израильскую действительность, культурную парадигму, равно как и процессы зависимости от русской культуры.

В предисловии к русскому изданию книги «Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам» исследовательница Р. Вайс в качестве спорного момента своей концепции отмечает следующее: «Данная книга проводит две, очевидным образом противоречащие одна другой идеи. С одной стороны, я утверждаю, что единая современная еврейская литература включает произведения, написанные на еврейских и нееврейских языках, а с другой – что литературный гений несёт на себе глубокое влияние языка творчества, если вообще не определяется им целиком»¹.

---

¹ Вайс Р. Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С. 8.